

А. В. Щипков

*доктор политических наук, заместитель Главы
Всемирного русского народного собора, профессор
философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ Т. Н. ЩИПКОВОЙ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В СССР

Мне хотелось бы начать наше собрание со слов признательности всем, кто сегодня собрался в Смоленском государственном университете на Словесно-исторические научные чтения, приуроченные к 90-летию со дня рождения моей матери — Татьяны Николаевны Щипковой. Благодарю студентов, профессорско-преподавательскую корпорацию университета, ректора университета Михаила Николаевича Артёменкова. Сердечно благодарю владыку митрополита Смоленского и Дорогобужского Исидора за молитвенную память и литию, которую он совершил перед началом Чтений возле мемориальной доски Татьяне Щипковой, которая установлена на фасаде главного здания университета.

Научные чтения, которые мы сегодня проводим, посвящены её 90-летию. Сегодня будут звучать самые разные доклады. Преимущество нашего мероприятия заключается в том, что мы пригласили одновременно и филологов, и историков, что нашло отражение в названии наших Чтений: «Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности».

История — это наше прошлое, образование — наше будущее. Без истории и образования мы не можем говорить о российском суверенитете — теме, которой уделяют много внимания как политики, так и учёные. Когда мы говорим о суверенитете России, мы должны понимать, что одна из главных её составляющих — гуманитарная сфера. Гуманитарное образование сейчас находится в переломном моменте и нуждается в нашем внимании. Поэтому мы решили дать нашей конференции именно такое название.

В этом зале присутствуют лишь несколько человек, лично знавших Татьяну Николаевну. Мало кто из молодых людей имеет представление о её личности и той роли, которую она сыграла в воспитании нескольких поколений выпускников Смоленского университета. Мне хотелось бы в своём выступлении составить её краткий интеллектуальный и нравственный портрет.

Татьяна Щипкова родилась 7 февраля 1930 года на Алтае. В семье сохранились мемуары одного из её дядьёв, где он рассказывает, как холодной февральской ночью он на лошади привёз священника тайно крестить двух малышей — мою маму и её сестру-близнеца, которая вскоре скончалась от болезни. В СССР в это время был разгар антирелигиозной борьбы. Поскольку это была семья священника, было принято решение переехать в Ленинград, большой город, где проще затеряться и уберечься от репрессий. Но, к сожалению, от репрессий уйти не удалось. Сначала арестовали мамину бабушку, затем её дядю, затем деда... Бабушка сидела на Соловках и чудом осталась жива.

Прошли 1930-е годы, наступил 1941 год. Во время блокады Татьяна Щипкова потеряла родителей, но родственникам удалось спасти её саму — её вывезли из блокадного города. Всю жизнь она вспоминала это бегство из блокадного Ленинграда, детдом, вспоминала, как два пароходика перевозили их детский дом через Волгу где-то в районе Иванова, как их бомбили немецкий самолеты. Бомбили долго, точно, хотя видели, что палубы наполнены детьми. Пароходик, на котором находилась мама, остался цел, а второй пароходик был разбомблен. Разорванные окровавленные детские тела уходили под воду. Маме было одиннадцать лет.

Вспоминаю 1974 год, смоленское землетрясение, небольшое, но заметное. Люди в панике выскакивают из домов, мы тоже отходим от нашего дома на улице Кирова. Соседка говорит: «отойдём подальше, ведь дом сейчас упадёт на бок». И мама, которая видела, как обрушиваются дома при бомбёжках, печально отвечает ей: «Дома не падают на бок, дома падают сами на себя, превращаясь в могильный холм».

Страшный опыт войны не передать словами, он не уходит, он постоянно живёт где-то внутри человека. А потом закончилась блокада, мама вернулась в Ленинград. Она рассказывала мне, как носила хлеб пленным немцам, которые восстанавливали здания на Литейном проспекте. Спрашиваю её: «Как же ты носила им хлеб, ведь они же убили твою маму, они пытались убить тебя»... Молчала в ответ. В этом — вечная русская жалость к арестантам. Владимирский тракт, кандалный звон, тюрьма да сума. Любой заключённый вызывает у русского человека непроизвольную жалость.

Татьяну Щипкову воспитывала бабушка в маленькой комнате в коммунальной квартире, в которой всегда горела лампада. Каким-то непостижимым образом бабушка сумела вложить в Таню нормы этического поведения, основанные на Евангелии. В 1948 году Татьяна Щипкова поступает в Ленинградский университет на филологический факультет, сдаёт экзамен по русской литературе. Экзаменатор — безногий фронтовик с костылём. Она достаёт билет с вопросами по «Ев-

гению Онегину». Он смотрит на неё и говорит: «Я понимаю, вы знаете “Онегина” целиком, я же по глазам вижу. А что ещё написано онегинской строфой?». И мама начинает не спеша декламировать: «Тамбов на карте генеральной кружком означен не всегда; Он прежде город был опальный, теперь же, право, хоть куда». Заканчивает первую строфу, набирает дыхания. Фронтоник перебивает и подхватывает вторую строфу: «Но скука, скука, Боже правый, Гостит и там, как над Невою, Поит вас пресною отравой, Ласкает черствою рукой». Таня читает третью строфу. Он — четвёртую. В аудитории стоит гробовая тишина, абитуриенты не понимают, что происходит. Так они вместе прочитали наизусть все 53 строфы «Тамбовской казначейши» и преподаватель сказал: «Пять».

Мама была абсолютно книжным человеком. На большинстве сохранившихся фотографий мы её видим с книжкой в руках.

После войны в Ленинградском университете не было центрального отопления. Приходилось сидеть одетыми, в пальто. На романо-германском отделении профессор Елизавета Артуровна Реферовская читает лекцию о поздней латыни. Позже мама станет её любимой ученицей. Сидят в маленькой аудитории, за круглым столом. Десять студентов и профессор. Хлопает дверь, истопник заходит, бурчит нечто вроде «здрассте» и с грохотом вываливает на пол дрова, затапливает печь. К концу занятия становится тепло...

Так складывалась жизнь юной Тани Щипковой: из блокады, из сиротства, из поэзии, латыни и обледенелых берёзовых дров, горой сваленных во дворе филфака Ленинградского университета.

Один из её учителей, академик Владимир Фёдорович Шишмарёв, занимался изучением романских языков народов, живущих на территории СССР, в первую очередь Молдавии. Я думаю, мама не случайно выбрала Молдавию. Её распределили в Кишинёв как лучшую ученицу, и она приехала в строительный техникум преподавать французский и русский языки. Сняла угол в большой еврейской семье, погрузившись в шумный еврейский быт, о котором много и весело вспоминала годы спустя. Говорили на идише. На второй день мама подошла к хозяйке и честно предупредила: «Извините, пожалуйста, но я понимаю, о чём вы говорите». Идиш, как известно, принадлежит германской языковой группе, а мама прекрасно знала немецкий. Хозяева, простые необразованные люди, были в полном недоумении — откуда эта русская девочка знает идиш?

Но Татьяне Щипковой захотелось ближе познакомиться с молдавским языком и с народом. Она пришла в республиканское министерство просвещения и попросила перевести её в сельскую школу. Её дол-

го отговаривали, объясняли, что уезжать из столицы в село неразумно, что у неё есть прекрасная перспектива через несколько лет устроиться в Кишинёвский университет. Но уступили. Вольному воля.

Татьяна приезжает в село Кицканы Теленешского района. Ходит по селу, ищет, где снять комнату. В сёлах молдаване в ту пору по-русски практически не говорили, приходилось объясняться жестами. Заходит в дом, объясняется знаками с крестьянкой, та понимает, о чём идёт речь, и говорит: «Camera este liber» (Комната свободна). Мама пришла в восторг — с ней говорят практически на латыни. Она влюбилась в этот язык и через год разговаривала на нём так, что никто не верил ей, что она русская, а не молдаванка.

В 1957 году профессор Елизавета Артуровна Реферовская убедила Татьяну вернуться из Молдавии в Ленинград, поступить в аспирантуру Института языкознания АН СССР и заняться научной работой. В качестве темы научного исследования Татьяна выбрала историю румынского языка и сравнительную грамматику.

В 1961 году в Институт языкознания приезжают «купцы» — представители Смоленского пединститута — и начинают её уговаривать переехать в Смоленск. Это была эпоха послевоенного восстановления института. Довоенный профессорско-преподавательский состав унесла война. И тогда было принято решение набрать молодёжь из столичных университетов. Это был период хрущёвской безработицы, экономического кризиса, финансовой реформы. Многие согласились переехать в провинцию из Москвы, Ленинграда, Кишинёва и Киева. В результате возраст более половины преподавателей не превышал 35 лет. Это был очень молодой по составу вуз, отличавшийся культурно-политическими настроениями, свойственными столичным городам.

Так Татьяна Щипкова оказалась в Смоленске. Это было феерическое время. Вся эта преподавательская молодёжь в то время не имела квартир и жила в общежитии на улице Дзержинского в доме 23/1. В здании ровно 101 комната. Это я хорошо помню. Студенты занимали цокольный и первый этажи, преподаватели — второй и третий. Математики, художники, гуманитарии, естественники общались и дружили семьями. Это была эпоха невероятного творческого подъёма. Время хрущёвской оттепели. В каждой комнате висели портреты Гагарина, Хемингуэя и Че Гевары. Кубинская революция переплеталась с лирикой Окуджавы на магнитофонных плёнках. Довольно бурная молодая жизнь. Татьяна жила в комнате номер 50. За окном открывался вид на бесконечные смоленские просторы. Баевские-Береговские приехали из Киева немного позже и поселились в соседней 49-й комнате. Три удара в стену означали приглашение на чай. Ночные чаепития и бесконечные

разговоры о филологии, студентах, преподавании. Вадим Соломонович не выдерживал и уходил спать, а мама с Эдой Моисеевной обычно засиживались допоздна.

А рядом текла и другая жизнь. Начинались хрущёвские антирелигиозные гонения. Десятками разрушались храмы, верующие шли этапами на зоны. Одна молодая преподавательница была уволена из института за то, что крестила ребенка. Мама объясняла мне, что это несправедливо. Ведь и её могли бы уволить, если бы узнали, что она меня тоже крестила...

Смоленск — это особая территория, здесь проходила черта оседлости. Здесь никогда не было антисемитизма. Евреи из Одессы, Кишинёва, Киева приезжали сюда потому, что здесь была возможность преподавать, защищать диссертации. Из Кишинёва приехал талантливый преподаватель Борис Масис. Он ввёл на кафедре французского языка практику — преподаватели говорили между собой только по-французски, чтобы сохранять языковой тонус. Он владел румынским, немецким, французским, русским языками. В конце войны работал переводчиком с пленными румынами и немцами. В 1970-м он подаёт документы на выезд в Израиль. Его начинают травить. На кафедре царит тяжёлая атмосфера. Бориса Масиса увольняют с работы и собирают общее собрание, на котором преподаватели должны написать коллективное обращение в ВАК о лишении Масиса учёной степени. На преподавателей оказывают сильное давление, проводят предварительные беседы. В результате все дружно голосуют за лишение степени кандидата филологических наук. Одна Татьяна Щипкова проголосовала против. Она единственная. Да ещё выступила и сказала, что научные работы не зависят от политических взглядов, что научная диссертация не перестаёт быть научной из-за политических или мировоззренческих взглядов её автора. Я удивляюсь, как её тогда не уволили. Наверное, решили не усиливать скандал. Но всё равно наказали. К 1970 году она уже девять лет прожила в общежитии, и ей, наконец, дали квартиру в новом доме на Поповке. Мы уже смотрели эту квартиру и даже вымыли её. В результате в квартире было отказано, и мы остались в общежитии ещё на четыре года. Но нет худа без добра — ту квартиру отдали маминей близкой подруге, преподавателю математики Ирине Николаевне Демидовой, которая в ней очень нуждалась, ютась в комнате того же общежития с маленькой дочкой и двумя стариками-родителями.

Татьяна Щипкова была очень непрактичным человеком, плохо приспособленным к житейскому быту. Физически она была слабой, часто болела. Её рост составлял 148 сантиметров, вес — 50 килограммов. Но в этом маленьком теле жил дух очень сильного и глубоко

нравственного человека, воспитанного на русской и мировой классической литературе. Она постоянно что-то читала, взгляд её был повернут не столько во внешний мир, сколько внутрь себя. Часто она в задумчивости шла по улице и не видела встречных знакомых людей. Некоторые обижались — думали, что она не хочет здороваться. А она была погружена в себя, в свои мысли, в своё любимое Средневековье, в свою грамматику.

В 1973 году она с блеском защитила кандидатскую диссертацию по теме «Глагольное дополнение в румынском языке XVI–XVIII веков (Инфинитив, конъюнктив, индикатив)» в Институте языкознания в Ленинграде. Я помню, как мы отмечали это событие в квартире у Бавеских на улице Докучаева. Вадим Соломонович подарил свою книжку о русской советской поэзии и сделал следующую дарственную надпись:

*Таня Щипкова!
Честное слово
(Что ж тут такого?):
Коль её много
Снова и снова,
Дружба — основа
Счастья земного,
Будто подкова.*

Татьяна Николаевна постоянно работала со студентами. Днём в вузе, вечером — дома. Мы жили в общежитии, и я не помню вечера, чтобы кто-то из студентов не засиживался в нашей комнате. Приходили отличники, с которыми мама дополнительно занималась латынью. Приходили отстающие, которых мама вытягивала, спасая от отчисления. Она радовалась, когда слабая ученица вместо шестидесяти ошибок делала тридцать. Она ставила ей двойку с плюсом или двумя плюсами, хвалила, ободряла, и окрылённая успехами девушка не опускала руки, а шла вперёд и вперёд. У мамы был какой-то особый педагогический дар, основанный на любви к человеку и на готовности ему помочь.

Татьяна Щипкова не была антисоветчиком в политическом понимании это термина. Она всё знала о ГУЛАГе, о цензуре, она осуждала несправедливость, царящую в стране. Она читала и распространяла самиздат. Она любила книги Шаламова. С самого детства, отвечая на мои вопросы, она всегда говорила только правду о социальных и политических проблемах, о репрессиях, об идеологической лжи. Однако критичность её взглядов носила скорее нравственный характер, чем политический. Она любила свою родину, независимо от того, кто ею управлял и какой социально-политический строй доминировал. Она

никогда не воспитывала во мне патриотизм, но передала его мне своим поведением, своими суждениями. Вспоминаю её поступок, который раз и навсегда определил моё отношение к Отечеству. Первого мая мы возвращались домой после демонстрации. Мне было лет десять-одиннадцать. Погода была ветреная, мозглая, холодная. Мокрые красные флаги, украшавшие здания, гулками шлепками хлопали, как хлопает бельё, которое женщины полощут в корыте, моросил дождь. Кто-то укладывал в грузовики транспаранты, кто-то спешил в тёплый дом к праздничному столу. Проходя мимо здания музыкального училища, мы увидели на мокром асфальте красный флаг. Древко обломилось от ветра, флаг выпал из флагштока. Красное полотнище перегоразживало тротуар и прохожие неуклюже и стыдливо через него перескакивали, не останавливаясь. Мама повернула ко мне голову и сказала одно единственное слово: «Подними». Мне не хотелось трогать руками этот грязный, тяжёлый, мокрый, повергнутый флаг и я иронично ответил: «Но он же — красный». Никогда не забуду испепеляющего взгляда, который она бросила на меня. Она дрожала от возмущения. Она не могла поверить, что её сын мог такое сказать. Сжав губы, стиснув зубы, она медленно и очень жёстко повторила: «Под-ни-ми! Это флаг твоей родины. Люди под ним умирали». Это был урок на всю жизнь. С тех пор, да простят меня почитатели демократических триколоров и монархических штандартов, флаг красного пасхального цвета, цвета крови моих предков, поднятый мной в тот день из грязи, навсегда останется для меня флагом моей родины.

Моя мама была такой. Она осуждала советскую несправедливость и горячо любила Россию. Она не выносила антисемитизма и возмущалась интеллигентскими насмешками над «русопятами». Раз в год обязательно перечитывала «Войну и мир» и с упоением погружалась в средневековые французские тексты. Она любила дружеские застолья молодой преподавательской среды, но, раскрасневшись от стыда, выскакивала под общий смех из комнаты, когда кто-то, подвыпив, позволял себе фривольную шутку или анекдот. В ней невероятным образом сочетались твёрдая, практически мужская, гражданская мужественность и какая-то девичья целомудренность...

В начале 1970-х годов Татьяне Щипковой открылся огромный христианский мир. Открылся не с культурологической стороны, которую она прекрасно знала и раньше, а с внутренней, духовной. Начался новый этап её жизни. С новыми открытиями и новыми испытаниями.

В 1978 году её уволили из Смоленского педагогического института за участие в православном подпольном движении.

В 1980 году её арестовали и по сфабрикованным обвинениям осудили на три года лагерей. Я не буду рассказывать здесь об этих годах. Просто порекомендовал бы найти в Интернете её мемуары «Женский портрет в тюремном интерьере». Скажу только, что сидела она в Уссурийском крае, в уголовной зоне, окружённая воровками и бандитками. Там было много молодых девчонок, покалеченных как физически, так и нравственно. Мама очень жалела их, любила и пыталась вытащить из того душевного смрада, в котором они находились и до тюрьмы, и во время заключения. Она создала в лагере подпольную школу. Пересказывала (книг не было) классические литературные произведения, читала им выдающиеся образцы любовной лирики, рассказывала о Богородице, записывала по их просьбам молитвы. Кончилось всё карцером и разгромом этой самодеятельной школы.

После лагеря она переехала в Ленинград. По политическим мотивам ей не давали разрешения прописаться у сына. Два раза арестовывали и отпускали. Жила она на нелегальном положении, целый год мы прятали её по разным квартирам. В общем, это было чудовищное время, когда казалось, что будущего нет, а есть только беспросветное настоящее. После смерти Андропова ей удалось получить разрешение поселиться у сына. Началось политическое помягчение. Приближалась перестройка.

Мама работала вахтёром. Переписывала от руки краткие молитвословы, сшивала их в тетрадки и раздавала людям по воскресениям возле Никольского Морского собора. На неё, конечно, смотрели как на немножко юродивую, но эти самодельные молитвословчики охотно брали. Может быть, и сегодня у кого-то они хранятся.

В 1990-е годы она была приглашена в гуманитарную спецшколу при Институте богословия и философии. Вновь начала преподавать, написала блестящий учебник французского языка для старших классов, не изданный до сих пор, где нет ни одного придуманного примера, а вся грамматика даётся на примерах из французской классической литературы. За три года ребята с нуля осваивали французский язык, свободно читали неадаптированную литературу и поступали на филологический факультет Санкт-Петербургского университета. И снова, как прежде, в её маленькую квартирку вечерами приходили ученики.

В конце жизни Татьяна Николаевна перевела роман Леона Блуа «La Femme pauvre» («Бедная женщина»), который ждёт своего издателя.

Скончалась Татьяна Щипкова 11 июля 2009 года и похоронена на Новом кладбище в городе Тарусе, который стоит на Оке.

В 2012 году на стене старого здания Смоленского университета была открыта мемориальная доска её памяти. Татьяна Щипкова изо-

бражена на фоне классной доски. В руках она держит роман Виктора Гюго «Les Misérables» («Отверженные»). Это её любимое произведение, которое она постоянно использовала на занятиях, предлагая его для домашнего чтения. По нему она учила языку, воспитывала души. Грамматические упражнения и упражнения нравственные были для Татьяны Николаевны неотделимы.

Завершая свой рассказ, я хотел бы сказать, что в течение сорока лет мы пытались добиться её реабилитации, официального признания того, что уголовное дело против Татьяны Щипковой было сфабриковано. Это удалось сделать лишь после её смерти. Опишу подробности этой многолетней тяжбы и скажу лишь, что 25 декабря 2019 года в Москве состоялся повторный суд, который рассмотрел дело Татьяны Щипковой и полностью оправдал её.

В архиве Смоленского университета хранится личное дело кандидата филологических наук, старшего преподавателя кафедры французского языка Татьяны Николаевны Щипковой. Сегодня я привёз с собой копии решений суда о её реабилитации. Передаю эти документы ректору университета Михаилу Николаевичу Артёменкову и прошу приобщить их к её личному делу. Таким образом, мы закрываем важную страницу истории Смоленского государственного университета, славного огромным количеством блестящих преподавателей и выпускников.

УДК 8/9(082)
ББК 63я431+80я431
С48

**Русская экспертная школа
Смоленский государственный университет
Всемирный русский народный собор**

С48 Словесно-исторические научные чтения им. Т. Н. Щипковой. Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности : Сборник научных статей / Под ред. А. В. Щипкова. — Москва : Русская экспертная школа, 2020. — 144 с.

ISBN 978-5-6041154-4-2

Сборник представляет читателям научные статьи, которые подготовлены на основе тезисов, прозвучавших 17 февраля 2020 года в Смоленском государственном университете в рамках первых Словесно-исторических научных чтений «Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности». Это мероприятие было посвящено 90-летию со дня рождения Татьяны Николаевны Щипковой (1930–2009) — православной исповедницы веры, филолога и преподавателя факультета иностранных языков Смоленского педагогического института им. К. Маркса (в настоящее время — Смоленский государственный университет) в период с 1961 по 1978 год.

Контакты:
www.russian-expert.ru
mail@russian-expert.ru

Гравюра на обложке:
Смоленск. Собор, гимназия и Дмитровские ворота
(Рисов. на дер. Н. И. Соколов, грав. К. Вейерман)

ISBN 978-5-6041154-4-2

© Щипков В. А., 2020
© Русская экспертная школа, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Артеменков М. Н.</i> Приветственное слово. Преемственность поколений и ценностей в истории Смоленского государственного университета	5
<i>Исидор, митрополит Смоленский и Дорогобужский</i> Приветственное слово. Конференция памяти Т. Н. Щипковой	7
<i>Щипков А. В.</i> Приветственное слово. Жизненный путь Т. Н. Щипковой в контексте религиозной жизни в СССР	8
<i>Аристархов В. В.</i> О концепции культурно-образовательной политики	17
<i>Щипкова Л. В.</i> Т. Н. Щипкова и ленинградская грамматическая школа романистики	20
<i>Каиль М. В.</i> Отцы-основатели и рождение «советского университета» в Смоленске	27
<i>Перевезенцев С. В.</i> Историческое сознание: опыт типологизации	32
<i>Козлов Ю. В.</i> Литературный процесс и евангельские тексты	46
<i>Щипков В. А.</i> Постсекулярный поворот в современной гуманитарной науке	51
<i>Ковалёва В. С.</i> Традиции и сегодняшний день филологического факультета СГПИ — СГПУ — СмолГУ	55
<i>Гронский А. Д.</i> «Свои» и «не свои» войны в белорусском идеологическом дискурсе	59
<i>Власова Ю. Н.</i> Из истории кафедры французского языка СмолГУ	69

<i>Шевченко К. В.</i> Языковые и образовательные аспекты этнокультурной инженерии в Восточной Галиции в XIX — начале XX века	72
<i>Терещенкова А. А.</i> Мои учителя	92
<i>Павлова Л. В.</i> О чём говорят протоколы заседаний смоленских писателей 1970-х годов	95
<i>Романова И. В.</i> Из жизни смоленской интеллигенции 1960–1970-х годов (по воспо- минаниям профессоров филологического факультета СГПИ)	101
<i>Левшун Л. В.</i> «Аберрации адекватности» в современных учебных программах по гуманитарным дисциплинам	106
<i>Белютин Р. В., Баруздина С. А.</i> Международные научно-образовательные связи кафедры немецкого языка СмолГУ	117
<i>Бендин А. Ю.</i> Польское восстание 1863 года и национально-патриотическое пробуждение русского народа	120
<i>Щипков Н. А.</i> Политические репрессии в США в середине XX века: опыт сравнения инструментов политического давления в странах демократического и коммунистического блоков	132
<i>Матвеевков Д. В.</i> Ты — наша гордость! Иняз СГПИ, 1970–1990-е годы	137